

В СТЕНАХ УНИВЕРСИТЕТА¹⁸¹

С чего начать? Картины меняются, путаются, насканивают одна на другую...

Ясный солнечный зимний день. По точному расписанию — днём лекции — одна, две, в светлых аудиториях; обед в столовке на Малой Бронной; вечером надо поспеть из «Румянцевской»¹⁸² в «Большой»¹⁸³ на Руслана¹⁸⁴. Из Большого нужно зайти в Камергерский¹⁸⁵ — записаться в очередь и, может быть, даже часочек продежурить на морозе...

По Моховой звучно проходит новенький трамвай, но я вспоминаю при этом, как я морозил ноги на бесконечной конке по Большой Мещанской к Крестовской заставе...

Университетских зданий много... О них у каждого свои воспоминания. У медиков, напр[имер], — чистый знаменитый городок на Девичьем поле¹⁸⁶ (а недалеко — «Погодинская изба»¹⁸⁷), но для филологов, математиков, юристов университет неразрывно связан с главным фасадом на Моховой, с двумя крыльями — на одном солнечные часы, а на другом обыкновенные, под которыми газетчик продаёт «Русские ведомости»... Напротив Манеж... там кремлёвские зубчатые стены...

Здесь новичку поначалу все казалось диковинным. Проходит со старым студентом туннелем под главным зданием¹⁸⁸. —

¹⁸¹ Кнорринг Н. Н. В стенах университета // Последние новости. 1930. 25 янв. С. 3.

¹⁸² Румянцевская библиотека (ред.).

¹⁸³ Большой театр (ред.).

¹⁸⁴ Опера М. И. Глинки «Руслан и Людмила» (ред.).

¹⁸⁵ Камергерский переулок – Московский художественный театр (ред.).

¹⁸⁶ «Клинический городок»: клиники медицинского факультета Московского университета (ред.).

¹⁸⁷ Дом М. П. Погодина (ред.).

¹⁸⁸ На Моховой улице (ред.).

«А этот проход во время студенческих беспорядков забивается доской с надписью: «по случаю ремонта вход закрыт». Подождите, тут и доска эта всегда лежит... Вот она... Молодой студент-провинциал поднимается по чугунным плитам огромной лестницы в курсовую канцелярию объявиться. Робко раскланиваясь, подходит к столу и только хочет назвать свою фамилию, как толстый «суб»¹⁸⁹ с седой бородой уже говорит поджарому педелю: «Вы дайте г-ну (такому-то) входной билет». Вот и загадка! И невдомёк какому-нибудь симбирскому гимназисту, какое употребление уже сделали здесь из трёх фотографических карточек, приложенных к прошению... Получив обозрение преподавания, студент, в новенькой тужурке с блестящими пуговицами, долго просматривает огромный список обязательных и необязательных лекций, завлекаясь манящими названиями некоторых курсов. Ему ещё неизвестны условность официальных проспектов и особенно выражений, в роде: «совещательные часы после лекций». Поди-ка посоветуйся, напр[имер], с пр[иват]-доц[ентом] Белкиным, который вместо объявленных четырёх часов в неделю уже сколько лет читает в конце года, постом когда-нибудь, две-три лекции, затем появляется лишь на экзамене! Или попробуй подойти к В. И. Герье, когда он не в духе уже несколько месяцев.

Редко кто поступает в университет с совершенно точно сложившимися научными интересами — у большинства определялись только общие контуры специальности. Но молодых студентов университет захватывал необозримой широтой и перспективой предлагаемых занятий. Положительно разбегались глаза: так бы, кажется, всех слушал и по всем предметам специализировался! И обыкновенно в первые дни студент ходит на все лекции, привыкая к новой обстановке аудиторий. Скучает на вступительной лекции Р. Ф. Брандта, где узнает, что болгар столько-то миллионов, чехов столько-то; удивляется мастерству М. М. Покровского, который из латинского синтаксиса сумел

¹⁸⁹ Субинспектор (*ред.*).

сделать что-то остроумное и увлекательное; смотрит, как мгновенно стихает громогласная аудитория, слышав приближение высокой и прямой фигуры профессора, читающего римскую историю (словно по гимназическим коридорам прошёл инспектор), и дивится учености профессоров, которые выкладывают пособия с таким видом, как приказчик в магазине книги бросает на прилавки; блуждает взглядом по потолку вслед за Ал. Н. Веселовским, который закатывал глаза, а руками делал жесты, как бы стараясь по всему залу собрать разбросанные им слова кудрявой фразы; весело хохотал, когда С. Ф. Фортунатов с плотно зажмуренными глазами тщательно отчеканивал фразу, а потом, откинувшись на спинку кресла, весь исходил в улыбке, обводя аудиторию своими лучистыми глазами, потирая руки в грязных манжетах и в десятый раз поправляя плохо прикрепленный галстук...

Несмотря на то что у некоторых профессоров не было отбоя от слушателей, установилось мнение о ненужности всей лекционной системы вообще, которое находило сторонников даже среди самой профессуры. В конечном счёте, роль профессора сводилась при таком взгляде к роли мастера, наговаривающего граммофонную пластинку, и живое преподавание превращалось в какой-то «домашний университет» заочного преподавания. Мне думается, что сама жизнь в многовековой учебной практике опровергала это заблуждение. Университет и питающие соки его заключаются отнюдь не только в формальном знании, но и в магической силе слов — воспитывающих, бодрящих, зовущих, которые неразрывно связаны с кафедрой.

Каждый из нас в своём студенческом прошлом знает моменты большого подъёма на лекциях. Таких магов слова знало и наше время. Ещё читал В. О. Ключевский. Если для многих, сторонников его специальности, людей его лекции были занимательны блеском лекторской игры, неподражаемым остроумием выражений, то для филологов, его присяжных слушателей, они были школой. Студентов-историков Ключевский чаровал, как бы самим процессом исторического мышления вслух. Строя

свою прерывистую речь, Ключевский заставлял слышать, кажется, самую поступь истории и делать вместе с ним выводы. В анализе фактов, которые каждый из нас переживал по-своему, было непередаваемое словами ощущение красоты и стройности, которое бывает у человека, удачно уловившего и выразившего сложную мысль. Слушая умную и художественную речь, можно было ощущать прелесть науки, её внутреннюю красоту, творчество и увлечение, без которых не может быть настоящего учёного — исследователя, мыслителя...

Моё поколение вошло в университет в первые годы XX века и нашло в нем «кумиров», отличных от тех, которым поклонялись в [18]80–[18]90 годы. Момент перехода «от марксизма к идеализму» имел в Московском университете своих даровитых представителей, и книга «Проблемы идеализма», изданная под редакцией П. И. Новгородцева, при участии виднейших философских сил нового направления¹⁹⁰, стала для многих из нас отправным пунктом в поисках и философского мирозерцания, и общественных идеалов. И этому поколению пришлось принять деятельное участие в двух революциях!

Среди профессоров, окружённых славой учительства, был и кн[язь] С. Н. Трубецкой. Среди моих студенческих воспоминаний это имя занимает совершенно особое место. Вся деятельность кн[язя] Трубецкого в Московском университете была сплошным завещанием студенчеству, потому что, по выражению П. Н. Миллюкова, «Князь С. Н. Трубецкой жил и умер так, как дай бог жить и умереть всякому». Один из столпов философского идеализма, великолепный учитель, организатор студенчества, борец за свободу науки и первый выборный ректор, смелый политический деятель...¹⁹¹ И эта красивая смерть и грандиозные похороны,

¹⁹⁰ Сборник «Проблемы идеализма» был издан Московским психологическим обществом в мае 1902 г. (ред.)

¹⁹¹ Князь С. Н. Трубецкой был избран профессорским советом Московского университета на должность ректора 2 сентября 1905 г., вскоре после утверждения 27 августа именного императорского указа Сенату «О введении в действие Временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения» (ред.).

поражающие воображение!...¹⁹² Лекции Трубецкого посещались студентами всех факультетов. Во вступительной лекции к курсу по истории древней философии Трубецкой любил разъяснять значение общего образования и необходимость внимательного изучения искромётного фонтана человеческой мысли и всегда при этом цитировал Тютчева:

О, тленной мысли водомёт,
О, водомёт неистощимый!¹⁹³

В «Новом» здании университета, сейчас же направо, как войдешь, была комната, в которой помещалась, кажется, библиотека исторического семинара. Здесь С. Н. Трубецкой вел свои занятия по изучению Платона и Аристотеля. Это был необязательный курс и посещался он сравнительно немногими. Я не знаю, доходили ли когда до Аристотеля, обычно застревали на Платоне: читались студентами робкие рефераты, профессор направлял и пр. Но когда дошли до «Федона», Трубецкой отступил от сухих интерпелляций диалога и выдвинул смерть Сократа как величайший момент мировой истории. Этот профессорский экскурс среди нас, юнцов, произвёл, как сейчас помню, огромное впечатление. Нужно вспомнить кн[язя] Сергея Николаевича, его манеру говорить «запросто». Его добрые глаза загорались, и сам он весь дрожал, когда говорил об этой трагедии, одновременно и столь далекой, и столь близкой всем. И мне казалось, что в этих стенах, заставленных тяжёлыми книжными шкафами, и я переживал душевную драму Платона, понявшего, что в некоторых случаях невозможно спасение жизни, хотя бы ради какой угодно полезной деятельности, что единственным выходом из положения должна быть смерть...

¹⁹² С. Н. Трубецкой скончался 29 сентября 1905 г. в Петербурге, во время заседания комиссии по выработке нового университетского устава, а похоронен в Москве. Проводы гроба с его телом на Николаевский вокзал столицы 2 октября 1905 г. вылились в многотысячную манифестацию (*ред.*).

¹⁹³ Неточная цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Фонтан» (1836). В оригинале: «О, смертной мысли водомёт».

Осень 1905 года. Университет наводнен лицами всякого звания. На лекциях, в коридорах — толпы людей, иногда совсем не связанных с университетом. Продажа всевозможного рода литературы, впрочем, почти исключительно легальной, шла не только в раздевалке, но чуть ли не у каждой колонны, на перилах, под стеклянным куполом. Улица настойчиво рвалась в стены университета, потому что здесь все же существовала возможность обмена мнениями, которые переходили нередко в сходки и митинги. Волна освободительного движения захватила всю Россию, и университет, верный, как всегда, отражал в себе все напряжение русской жизни. Но дело было не в одной улице, а и в том, что в это время студенчество не могло остаться спокойным и вдали от тех довольно умеренных слоёв общества, в которых в это время раздавались уже революционные речи. На плечи выборного ректора легло бремя исключительной тяжести — спасти университет от разрушения, когда все кругом готово было к всеобщему взрыву. За немногие дни своей магистратуры С. Н. Трубецкой осунулся и постарел. Обычные меры простой чиновничьей отписки, вроде закрытия университета, Трубецкому казались недостойными, и он смело взглянул правде в глаза, указав в Петербурге на необходимость для общественного мнения отдушины, которая одна только и могла если не совершенно устранить, то смягчить формы превращения университетских аудиторий в арену политической борьбы. Там, в Петербурге, его и застигла смерть...

Перед студентами, на университетских сходках ректор Трубецкой выступал не раз. Несмотря на то что на них человеку с его мирозерцанием было трудно иметь успех, его личный авторитет у большинства студенчества стоял очень высоко, и, имея в виду, что в это время стали организовываться в обществе конституционные и демократические элементы, находившие себе сейчас же отголосок в студенчестве, можно было думать, что при честном сговоре общества с правительством университет нашёл бы в себе самом достаточно сил для ограждений себя от напора улицы...

В памяти русских людей того времени С. Н. Трубецкой остался в ореоле гражданина — борца за право, свободу и т. д., но для нас,

его слушателей и учеников, период его общественной деятельности явился примером личного подвига, завершением работы профессора — учителя и проповедника, у которого слово перешло в дело и тем самым оправдало себя...

Прошли годы, и мы, «дети страшных лет России»¹⁹⁴, испытали с тех пор несравненно более тяжёлые положения, видели более яркие смерти... пожары... кровь, слышали не менее огненные слова. Но это было уже наше время, наше поле битвы, и может быть не будет большим преувеличением сказать, что в этом поле многие из нас пытались воплотить слова, которые мы слышали в стенах Московского университета в тот период нашей жизни, когда есть неистребимое стремление к знанию и полная чистого доверия тяга к авторитету. Могу сказать, что Московский университет не обманул моей веры в спасительную силу науки и, обращаясь к нему — к своим учителям, живым и мёртвым, с горячей благодарностью за прекрасные переживания у истоков его чистой науки, я хочу верить, что эти истоки не вытравлены в нем и сейчас.

¹⁹⁴ Цитата из стихотворения А. А. Блока «Рожденные в года глухие...» (1914) (ред.).